

АКАДЕМИЯ МАГИИ

ЕКАТЕРИНА ВЕРХОВА

СКАНДАЛ
В АКАДЕМИИ МАГИИ
ИНТЕРВЬЮ С РЕКТОРОМ

Екатерина Сергеевна Верхова
Скандал в академии магии.
Интервью с ректором
Серия «Академия Магии»
Серия «Скандалы в
академии магии», книга 1

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65825554

Екатерина Верхова. Скандал в академии магии. Интервью с ректором:

Эксмо; Москва; 2021

ISBN 978-5-04-156145-1

Аннотация

Проблемы всегда наваливаются скопом. Арест отца и вынужденный отказ от роскошной жизни. Перевод в другую академию магии, в которой меня ненавидят... Мне кажется, я уже готова ко всему. Даже к тому, что придется возглавить редколлегию студенческой газеты, окунуться в водоворот интриг и тайн и... влюбиться.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	40
Глава 4	60
Глава 5	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Екатерина Верхова

Скандал в академии магии.

Интервью с ректором

© Верхова Е., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Пролог

– В Канторовскую академию? Ты издеваешься?! – Я даже не пыталась скрыть возмущение.

– Ты как с матерью разговариваешь?! – Из всегда идеальной прически родительницы выбилась прядь, нос покраснел, глаза метали молнии. Она злилась, и это можно было понять. – Сейчас мы не можем себе позволить никакую другую академию, будто сама не знаешь! Это одно из лучших бюджетных заведений. Твоих баллов вполне хватит, чтобы перевестись в Высшую Академию Кантора.

Еще бы их не хватило! Если уж я смогла поступить в настоящему элитное учебное заведение, да еще и продержаться там до второго курса, то и с ВАКом справлюсь.

– Вот документы на зачисление. – Мама постучала указательным пальцем по лежащей на столе картонной папке. – Мне удалось договориться с ректором, чтобы тебя приняли без собеседования.

Ага, договориться. Да тех, кто поступил в Академию Высшей Магии, в любое другое место примут с распростертыми объятиями. Даже если их отец – экономический преступник и над ним ведется следствие. И то, что сейчас середина года, мало кого остановит, если знать, кому дать взятку. Вряд ли в ВАКе какие-то неподъемные для нашего нынешнего кошелька суммы.

Воспоминания последнего месяца разом пронеслись перед глазами, и я закусила губу. Еще совсем недавно мы каждый вечер проводили вместе за ужином, беззаботно болтали обо всем на свете. А потом... потом к нам ввалились пятеро дознавателей, схватили отца и опечатали дом. Тогда я не поняла ровным счетом ничего, даже не успела среагировать и призвать магию. Уже сильно позже услышала от матери, что отца обвиняют в мошенничестве в особо крупных размерах. Я никогда не лезла в дела родителей, но в голове как-то совершенно не укладывалось, что папа может иметь отношение к преступному миру Кантора.

– И еще... – Мама отвела взгляд. – Тебе придется остаться там на полном проживании.

– Что?! – не успела я отойти от первого шока, как получила второй.

– Денег на кареты и тем более кристаллы телепортации у нас нет! Твой отец оставил нас без гроша, – прошипела мать. – Все мои сбережения уходят на законника, еду и поиск хотя бы небольшой комнаты, чтобы жить подальше от...

– Что тут за шум?

Открылась дверь – и на пороге оказалась моя бабушка, графиня Роунвесская. Как всегда, ухоженная донельзя, седые волосы собраны в аккуратную прическу, идеально выглаженное дорогое платье, красивые руки. Графиня, одним словом. И я могла бы быть наследницей рода, если бы моя мать не решилась выйти за простого купца «без рода и пле-

мени», а бабушка не лишила ее титула и наследства. Отец очень быстро встал на ноги, стал узнаваем в высшем свете, вот только графиня все это время была непреклонна. Только когда с нашей семьей случилась трагедия, она предложила нам временную крышу над головой. И ежедневно об этом напоминала. Как и о том, что предупреждала мать, за какого человека та выходит замуж.

Стоило графине переступить порог комнаты, как мы с мамой разом подобрались. Опасливо переглянулись. К бабушке мы относились уважительно, но... Всегда есть «но».

– Я слышала, моей дорогой внучке на что-то не хватает денег. Это так? – Бабушка в присущей ей надменной манере изогнула бровь.

Сказать «да» – значит добавить матери еще больше головной боли. Бабушка и так знает, что из одной из самых обеспеченных семей Кантора мы в одночасье превратились в нищий, всеми забытый род. Она не раз шпыняла за это мою мать. Вручить ей в руки оружие, которое даст возможность еще хоть раз сказать: «Ты теперь даже дочери не можешь обеспечить нормальное будущее», – все равно что самой нанести матери очередной удар. И, несмотря на все наши разногласия, этого я допустить не могла. А потому...

– Все в порядке, бабушка, – манерно ответила я и натянуто улыбнулась.

– Милая Эрналия. – Она сухо ответила на улыбку и шагнула навстречу. – Ты не виновата в ошибках своих родителей

и всегда можешь рассчитывать на мою помощь и поддержку.

Это даже умиляет, какие мы добрые! Я бы обрадовалась, если бы все это было искренне. Если бы это было не игрой в хорошую бабушку.

– Благодарю, – тем временем ответила я и поймала благодарный взгляд мамы.

Глава 1

Уныль. Единственное слово, подходящее под описание Высшей Академии Кантора, ВАКа. Серые стены, небольшие окна, скучные башни – не чета прошлой академии, из которой мне пришлось уйти после третьего семестра. Вот где была настоящая роскошь, на это же здание без слез не взглянешь. Пусть академия находилась в самом центре Кантора – втором по величине города королевства, – я бы все равно с легкостью променяла его на свое старое место обучения в ближайшем пригороде столицы.

На площади перед входом стоял памятник основателю академии – Р. К. Неррсу. Начищенный до блеска, важный... У самих ворот меня встречал охранник. Совсем не начищенный, но не менее важный.

– Эрналия Краун Браунс. – Порядком замерзшая, я протянула бумаги о зачислении.

От резкой остановки в спину тут же врезался мой небольшой, но вместительный чемодан от «Муи Крутон» – остаток прежней роскоши. Опомнившись, он выправил свой полет и завис рядом в воздухе, неспешно шевеля крыльями.

Этой роскоши, кстати, осталось не так уж и много. Мне разрешили забрать только вещи, обувь, сумки и парочку украшений, подаренных бабушкой! С небольшими бриллиантовыми гвоздиками в ушах и подвеской на тонкой цепоч-

ке я чувствовала себя почти голой. И это не говоря уже про утепленное пальто, которое ни в какое сравнение не шло с соболиными и норковыми шубками.

– Кто? – переспросил явно глуховатый сторож.

– Эрналия Краун Браунс, – сцепив зубы, повторила я.

– Ах, дочь того самого Браунса?! – намеренно громко буркнул сторож.

Я оглянулась, на нас уже пялились прибывающие студенты, толпящиеся у ворот.

– И что, это ты тут теперь учиться будешь?

– Да, вот документы о зачислении, – спокойно произнесла я, еще раз помахав в воздухе папкой бумаг.

– Ну проходи. – Сторож как-то нехорошо улыбнулся, выставив кривые зубы. – Ректор тебя уже ждет.

Надо же, какие почести! А переодеться и прийти в себя мне никто не позволит?! Я добиралась общественной повозкой со всякими... Фух, Эрна, выдыхай. Пока отца не оправдают – а его оправдают, я уверена, – придется смириться с жизнью простого смертного.

– Благодарю, – вежливо произнесла я и направилась к входу. Чемодан полетел следом.

Я понятия не имела, где может находиться кабинет ректора, но расспрашивать об этом у недружелюбного сторожа желания не возникло.

В холле было множество студентов, на меня даже внимания не обратили. Что к лучшему. После того как в газете

опубликовали новость об отце, весь высший свет начал отрицать наше с матерью существование. И ладно, если молча, так нет, каждый спешил сообщить об этом в письме или лично. Какое-то время даже послания с угрозами приходили. Мать говорила, что от обманутых вкладчиков, но я мало что в этом понимала.

– Простите, пожалуйста, а вы не подскажете, где находится кабинет ректора? – Я вновь приземлила чемодан и обратилась к ближайшей шумной компании студентов, которые только-только вернулись с каникул.

– Новенькая? – удивилась светловолосая девушка. – Как тебя взяли в середине года?..

За красивые глаза, блин. Ну что за глупые вопросы? Скорее всего, моей матери пришлось дать взятку ректору из оставшихся тайных и очень немногочисленных сбережений. Всяко дешевле, чем платить за обучение в Академии Высшей Магии.

– Вот так вышло, – со смущенной улыбкой пробормотала я.

– Браунс, что ли?! – воскликнул один из парней. – Я слышал, что тебя к нам переводят.

Все присутствующие чуть ли не шаг назад сделали, как от чумной. Любопытство в их взглядах сменилось на раздражение. М-да, как оказалось, фамилия моего отца известна не только в высшем свете, но и среди простых людей. День явно перестает быть томным.

– Вы не подскажете, как мне найти кабинет ректора? – с приклеенной к губам неискренней улыбкой повторила я.

– Нет, – внезапно твердо и хлестко ответила одна из девиц. И, повернувшись ко мне спиной, бросила остальным: – Пойдемте, ребят. Браунс сама разберется.

Они ушли. Я же так и осталась стоять у самого входа, толком не понимая, чем заслужила подобное отношение.

– Эрналия Краун Браунс?

Я услышала мягкий бархатистый мужской баритон и резко развернулась. Что, сейчас меня ждет новая порция унижений?!

Но вместо очередного студента я увидела мужчину лет тридцати пяти. Симпатичный. Волнистые темные волосы были уложены в аккуратную прическу по последней столичной моде, лицо гладко выбрито, что делало его еще моложе, вот только между четкими темными бровями залегла морщинка, выдающая его истинный возраст. Преподаватель?

– Да, – ответила я, опуская ресницы.

– Следуйте за мной, – произнес он и направился к одному из коридоров, ведущему в правое крыло.

– Вы отведете меня к ректору? – поинтересовалась я, локтем отпихнув зазевавшийся чемодан.

Вот с ректором, кстати, этот неизвестный мог бы и помочь!

В ответ на мой вопрос он странно усмехнулся. И истинную причину веселья я поняла только тогда, когда он сказал:

– Мое имя Дарен Вестлей Неррс. Я ректор Высшей Академии Кантора.

И вот тут я покраснела. Мало того что не узнала ректора академии, так еще и не признала в нем потомка того самого Р. К. Неррса, каменной статуей охраняющего вход на территорию ВАКа. Раньше со мной таких глупых казусов не случалось!

– Простите, пожалуйста, – пробормотала я.

– Думаю, я как-нибудь справлюсь с тем, что меня не узнали, – иронично ответил он. – Студенты совершенно не обязаны знать своего ректора в лицо.

Именно в этот момент с ним вежливо поздоровалась большая компания проходящих мимо молодых людей. Мне тоже досталась толика внимания, я кожей почувствовала их любопытство. Какое все же счастье, что тут меня не каждая собака в лицо...

И еще большее то, что ректор не отдавал свои сбережения в залог моему отцу – иначе такого приема я бы точно не дождалась. Впрочем, у потомка самого Неррса в этом не было необходимости. Их род и по сей день входил в топ-10 списка «Торбс».

– В этом крыле у нас административный корпус. Мой кабинет, кабинеты кафедр. С третьего по пятый этаж личные комнаты преподавателей. Также в конце этого коридора можно найти библиотеку, – чеканил ректор. – Столовая находится в соседнем корпусе. Внутренний переход не преду-

смотрен. Чтобы туда попасть, следует выйти на улицу.

На улицу?! Вы там погоду видели? В зимнюю пору как-то вообще не хочется лишний раз в эту слякоть выходить. Еще и без моей любимой шубки...

Вслух я, разумеется, ничего не сказала. А моего изменившегося лица ректор не увидел и продолжил говорить:

– Согласитесь, с утра ничто так не бодрит, как пара сугробов?

– Боюсь, сугробов до Первого дня не предвидится, только вязкая холодная жижа, – уныло отозвалась я. – С ужасом представляю, как будут проходить физическая подготовка при такой погоде.

– Не думаю, что вам стоит об этом переживать. В вашей программе физическая подготовка не предусмотрена, – флегматично отозвался ректор, продолжая путь к своему кабинету.

То есть как не предусмотрена?! Боевой маг и без тренировок?!

Последнее я и озвучила. Только без возмущения, со сдержанным любопытством. Не хватало еще поругаться с ректором в первый день в ВАКе.

– Вы перевелись в середине года, Эрналия, – сухо напомнил ректор, даже шага не сбавив. – Факультет боевой магии всегда переполнен. Мест там попросту нет.

– Значит, я на целительском? – с вялой надеждой поинтересовалась я.

– Нет.

Я уловила в этом коротком слове целую тонну веселья. И оно мне совсем не понравилось.

– На факультете права? – Я закусила губу.

– Нет, Эрналия. Неужели вы даже в документы о переводе не посмотрели?

Щеки уже во второй раз залил густой румянец. Когда мать всучила мне эту папку, я даже не подумала о том, что меня возьмут на какой-либо другой факультет, кроме боевого. Я уже отучилась полтора курса по этой специализации в другой академии и показывала неплохие результаты! Черт возьми, да у меня был самый лучший балл среди женской части факультета!

Я все же распахнула папку, прямо на ходу. И замерла... Ошарашенная, униженная, жаждущая крови. Ух, дорогая мамочка, я тебе устрою...

– Нет... Только не это, – простонала я.

Муи Крутон будто почувствовал мое настроение, с грохотом приземлился на пол. Конечно, по весу не больше чем три кило, но вмещающий в себя все пятьдесят, чемодан и не мог опуститься бесшумно, не привлекая внимания.

– Да, студентка Эрналия. – Ректор усмехнулся уголком рта и остановился у двери. – Вы зачислены на факультет искусства и культуры. Проходите в мой кабинет.

Он распахнул дверь и шагнул внутрь.

Это... Пожалуй, это самое большое унижение за сегодня!

Факультет искусств, надо же! Кем я вообще буду, если окончу этот факультет?! Искусствоведом?! Фу! Мерзость. Даже исторический лучше, чем это. Да даже артефакторика! Но это... это...

Покрепче сцепив зубы, я щелкнула многострадального Муи по замку, чтобы тот вновь взлетел, и прошла в кабинет ректора.

– Как я могу перевестись? – с порога поинтересовалась я.

Обычный у ректора кабинет. Два стола, расположенных буквой «Т», книжные полки и диван в углу, вот и вся ваковская роскошь. Никаких гардин с бархатными вставками, шелковых ковров и прочего.

– В этом семестре никак, – впервые от ректора повеяло холодом. – Если будете показывать высокие результаты, сможете подать прошение о переводе на будущий год. Вынужден предупредить, что вряд ли вам удастся перейти на факультет боевой магии, там очень большая очередь. Но и сами студенты пашут так, что не оставляют возможности другим занять свои места.

– А куда мне удастся перевестись хотя бы в следующем семестре? – деловито поинтересовалась я.

– Что, так не любите искусство?

Терпеть не могу. Даже когда на светских приемах все толпились у какой-нибудь мазни, я откровенно скучала. Нет, на первом курсе у нас было что-то вроде искусствоведения, но шло оно наряду с философией – ни то ни другое боевому

магу ни к чему, потому добрый пожилой преподаватель представлял нам оценки просто так. А уж если мы могли отличить Палевича от Рикассо...

– Мне было бы интереснее и полезнее заняться чем-то другим, – дипломатично начала я. – Может, целительский факультет? Или артефакторика?..

Последнее я выдавила буквально с надеждой. Если в моем образовании не будет присутствовать корочка о получении высшего магического образования, это полная катастрофа. У меня неплохой уровень развития дара, да и резерв очень даже ничего! Ну не могу я прозябать на вторых ролях.

– Боюсь, ни на один факультет с магическим углублением вы так быстро перевестись не сможете. Могу предложить на рассмотрение исторический или факультет права.

– Права, – поспешно уцепилась я хоть за какую-то соломинку. Очень призрачную.

Надеюсь, отца скорее выпустят и меня переведут обратно в Академию Высшей Магии – АВМ.

– В таком случае вам необходимо получить высший балл по всем экзаменам, – деловито произнес ректор, раскрывая перед собой папку. – Вести активную студенческую жизнь, участвовать в мероприятиях. И после этого сдать всю академическую разницу в дисциплинах.

Жуть. Даже не знаю, что из этого меня пугает больше всего: активная студенческая жизнь или академическая разница в дисциплинах.

– Справитесь? – Ректор поднял на меня насмешливый взгляд.

Вот кто-кто, а он точно не верил, что я справлюсь. И это лишний раз заставило меня покрепче сцепить зубы и уверенно кивнуть. У меня и выбора-то не было. Подумать только! Искусствовед.

– Справлюсь.

– Вот и отлично, – кивнул он. Перелистнул. – Декан вашего факультета Амелия Росс. Она находится в сто пятнадцатом кабинете. В будущем вы сможете по всем вопросам обращаться к ней. Расписание для вашего факультета повесят в главном холле в течение недели, завтра первой парой у вас фракский язык в кабинете восемь, второй – экспертный анализ современного искусства в кабинете пять. Ваша комната на третьем этаже, номер триста двадцать три. Эрналия, вам дать перо и бумагу, чтобы вы могли записать?

– Зачем? – искренне удивилась я. Только потом сообразила, что в этой академии еще не знают о моей феноменальной памяти. Пояснила: – Амелия Росс, декан факультета искусств. Сидит в сто пятнадцатом кабинете. Расписание в течение недели. Завтра фракский в восьмом кабинете, анализ в пятом. Моя комната в триста двадцать третьем кабинете. В этом крыле административный корпус и библиотека, в крыле напротив комнаты студентов. Столовая в соседнем корпусе, вход только через улицу. Два дальних крыла, как я понимаю, как раз с учебными кабинетами, все просто.

Дарен Вестлей Неррс склонил голову набок, не спуская с меня оценивающего взгляда. Этим он немало смутил, но я постаралась не подать виду.

– Может, у вас и получится, – внезапно произнес он. – Ваша соседка сравнительно тихая девушка с вашего же факультета. Она поможет вам освоиться.

Соседка по комнате?! Боги, какая жуть! В Академии Высшей Магии у каждого студента была своя комната. И у меня тоже, даже две: спальня и гостиная, – вот только я все равно предпочитала использовать кристаллы телепортации и ночевать дома.

– Вижу скепсис на вашем лице. Понимаю, что после АВМ вам тут будет непросто освоиться, но наша академия входит в пятерку лучших в королевстве. Тут, пусть и без лоска, но все же дают неплохое образование.

Когда поступаешь в первую академию, перевод в третью по рейтингу больно бьет по самолюбию и социальному статусу. Свои мысли я по обыкновению оставила при себе, ответив лишь:

– Я не сомневаюсь в качестве образования, которое мне тут дадут. – Лишь бы не диплом об окончании факультета искусств. – Но в первое время мне и правда придется непросто. Постараюсь оправдать ваше доверие, оказанное мне и моей матери.

– Графиня Роунвесская – давняя подруга моей матери, я не мог отказать ее дочери, – ответил он.

Так вот откуда ноги растут! А я думала, что взятка. Впрочем, одно другому не мешает. Интересно, а Неррс знает, что отношения моей матери и бабушки далеки от теплых? И интересно, что скажет бабушка, когда узнает, с помощью каких связей меня сюда запихнули?

— Благодарю, — степенно ответила я и встала с кресла. Думаю, аудиенция окончена. — Спасибо за помощь.

* * *

«Интересная девушка» — так подумал Дарен Вестлей Неррс, когда за новоявленной студенткой закрылась дверь. Вот только выудить из нее нужную информацию будет довольно сложно. Было бы просто, окажись она глупой взбалмошной девчонкой, каких много крутится в высшем свете.

А так...

Когда на пороге его кабинета появилась миссис Браунс и попросила принять дочь в ВАК, Дарен не знал, как реагировать. Все же слишком неоднозначная репутация была сейчас у их семейки. Отец Эрналии оказался замешан в создании целой финансовой пирамиды, за что и был заключен под стражу.

Накануне Неррс встречался со своим кузеном — главным дознавателем, — который жаловался на то, что не хватает улик, и, если они не появятся, дело — дрянь, они вновь окажутся у разбитого корыта. Потому все происходящее играло

на руку Дарену Неррсу.

Нет, он не собирался как-то подло использовать девчонку, только выведать информацию, которая пригодится следствию. Наверняка она присутствовала при каких-то деловых встречах, знает тайных партнеров своего отца хотя бы в лицо. А может, и по имени, все же память у Эрналии неплохая.

Вот только как именно ее разговорить? Впрочем, она к нему еще не раз нагрянет. К примеру, как только узнает, что туалет и купальня предусмотрены лишь на этаже. Или когда столкнется с деканом своего факультета, Амелией. Та еще истеричка, тут не поспоришь, многие студенты, да и преподаватели – особенно мужского пола – на нее жаловались. Дарен держал ее только по той причине, что она, несмотря на личные характеристики, была профессионалом. А еще внучкой верховного судьи.

Дарен Вестлей Неррс устало откинулся в кресле и потер виски. Учебный год в самом разгаре. Сейчас стоит разобраться с теми, кто не сможет осилить пересдачу. Может, и на факультете права свободное место обнаружится – и Эрналия будет настолько ему благодарна, что сразу же вывалит все, что знает про дела своего отца.

Как бы не так... Это было бы слишком просто.

Глава 2

Я уже секунд тридцать стояла перед дверью, покрытой облупленной краской, и никак не решалась войти в комнату, в которой мне предстояло жить как минимум все ближайшее время. Если все выглядит настолько убого снаружи, то как будет внутри?..

Все же решившись, осторожно постучала, опасаясь, что даже от этого легкого прикосновения створка попросту развалится. Но нет, та выдержала. И даже не скрипнула, когда после приглушенного «входи, не заперто» я ее толкнула.

Все оказалось не так страшно, как воображалось. Да, никаких ковров, мягких меховых накидок на постелях и картин, но комната не была лишена уюта. Две кровати, расположенные с разных сторон на расстоянии пяти широких шагов; длинный стол, рассчитанный на двоих, у окна; два гардероба со встроенными открытыми книжными полками ближе к выходу.

Приятно удивило обилие зелени – каких-то ярких цветов в горшках – на подоконнике. А вот девушка, лежащая на постели с книжкой в руках, насторожила. Волосы, выкрашенные в зеленый цвет и остриженные под мальчика, не внушали никакого доверия, а яркий темный макияж приводил в ужас.

– Привет! – соседка по комнате, не отвлекаясь от книги,

махнула рукой. – Меня зовут Нира.

– Доброго дня, – пробормотала я, в очередной раз ставя чемодан от «Муи Крутон» на пол. – А я Эрна.

– Приятно познакомиться, – кивнула она, откладывая книжку в сторону и бросая на меня изучающий взгляд. Я ответила тем же. – Значит, будем втроем жить.

Втроем?! Я не успела и вопроса задать, как из-под кровати с диким мявом выскочило *нечто* и бросилось мне под ноги. Причем это *нечто* начало обнюхивать моего Муи. Чемодан занервничал, затрепетал крыльями, поднимаясь в воздух, чем еще сильнее привлек внимание создания.

– Басик, фу! Брось каку! – рывкнула соседка по комнате.

Басик?! Это фиолетовое чешуйчатое *нечто* зовут Басиком?!

Нира будто мысли мои прочитала.

– Вообще-то это котик, просто он... кхм... особенный. Мой папа зельевар, и Басик однажды случайно свалился в его чан с каким-то отваром. Вот и вышло это. Но ты не переживай, к нему быстро привыкаешь.

– Мау, – не согласился Басик. Даже оскалился в мою сторону.

– Это он тебе улыбается, – попыталась заверить меня Нира.

– Так вот почему у тебя в середине года нет соседки по комнате? – брякнула я.

– Так ты из-за дел своего отца променяла АВМ на эту ды-

ру? – не осталась в долгу Нира.

Один – один. А затем вдруг улыбнулась. Совершенно беззлобно и искренне, чем окончательно поставила меня в тупик.

– Не переживай. Мои родные не вкладывают деньги в сомнительные мероприятия, потому мне не за что ненавидеть тебя и твою семью. Только Басика не обижай.

Я перевела опасливый взгляд на это чешуйчатое и фиолетовое.

– У меня с собой есть бутерброды с колбасой, – как можно более доброжелательно произнесла я.

Басик наострил уши.

Уже через каких-то полчаса – когда разобрала вещи и разложила привезенные с собой книги и письменные принадлежности по полкам – я узнала, какой Басик на ощупь. Оказалось, довольно теплый и гладкий, да еще и мурчал он, как доисторический артефакт связи.

– Ты первая из моих соседок, к кому он пошел на руки, – сообщила Нира, делая глоток чая.

Как оказалось, отец-зельевар снабдил дочку не только разными травяными сборами – успокаивающими, бодрящими, – но и котелком для их заваривания.

– Просто они не угощали его колбасой при знакомстве, – хмыкнула я.

– Это ты зря-а-а, – протянула соседка. – И мясом угощали, и сырами разными, и колбасой. Одна даже пыталась туда

какую-то отраву впихнуть.

– Отраву?! – возмутилась я.

– Ага. Басик ее дипломную работу немного, кхм... пожевал. Но отравы его не взяла. Его вообще ничего не берет после папиного зелья. Кстати, да! Правила комнаты. Во-первых, обувь и сумки на полу без присмотра не оставлять, Басик – существо своеобразное. Любит точить когти и зубы. Зубы у него, кстати, постоянно растут, так что это необходимость... Я для этого специальные камушки покупаю. Во-вторых, Басика в коридор без поводка не выпускать. В-третьих, в комнату без предупреждения никаких гостей не водить. А если с согласованием, то после комендантского часа лучше выпроваживать, иначе попадет обеим. Комендантский час в десять. Хм... В-четвертых, будить меня по утрам. Это не то чтобы правило, но я была бы очень признательна. В-пятых, откровенного срача не разводить. Убираться будем каждая на своей половине.

Я улыбнулась. Вполне сносно, жить можно. Да и Нира как человек мне была вполне симпатична. А с зелеными волосами и фиолетовым чешуйчатым котом можно как-то смириться. Басик вообще на поверку оказался вполне милым животным.

– Принято. А это что? – Я кивнула на черный бумажный пакет, лежащий на подушке. – Твое?

– А это, – Нира маниакально улыбнулась, – форма. И она твоя.

Форма?!

Кажется, что-то такое отразилось на моем лице, потому Нира тут же добавила:

– И я прям мечтаю увидеть твою реакцию, когда ты на нее помотришь. Но предупрежу заранее: дрянь редкостная.

Не сказать, что это вдохновило меня на открытия.

– Носить надо пять дней в неделю, в выходные, даже если есть занятия, можно сменить на свою одежду. Ее у тебя предостаточно.

Я осторожно потыкала пальцем бумажный сверток. Поняла, что выглядит это ну очень уж глупо, потому, набрав побольше воздуха в легкие, принялась за распаковку.

М-да.

Никаких цензурных слов на ум не приходило.

Это... Пожалуй, это самый ужасный наряд из всех, что мне приходилось на себя надевать.

Серо-болотный жакет с брюками в цвет – это еще полбеды. Хуже, что вдоль всего этого безобразия, по бокам, были пришиты ярко-оранжевые лампасы. Про материал молчу – он был до неприятного колючим, и внутри от этой мерзости спасала только хлопковая подкладка. Рубашки сразу отмела в сторону – такое я точно не надену! – кто там будет разбираться под жакетом, чем белая рубашка от «Вербари» отличается от сокровища местного производителя. Вряд ли тут вообще знают, что такое «Вербари».

– Именно с такими цветами тут ассоциируются студен-

ты-искусствоведы? – не сдержалась я, хотя еще с утра давала себе зарок с гордостью принимать все лишения, свалившиеся на мою голову.

– Историкам повезло меньше, у них по бокам цвет... кхм... детской неожиданности. И поверь, он далек от шоколадного.

– Да тут вся форма как детская неожиданность, – протянула я, не решаясь переодеться в это безобразие.

– У боевиков красивая темно-синяя, – Нира мечтательно закатила глаза. – А у артефакторов темно-зеленая.

– Я уже поняла, что факультеты без магического углубления тут не особо ценят.

– А как у тебя с магией, кстати? – поинтересовалась соседка.

– Еще с утра было отлично, – пробормотала я, запихивая форму обратно в пакет.

Интересно, как тут с дисциплинарными взысканиями? Если мне впаяют выговор за то, что я не буду носить это безобразие, переведут ли потом на другой факультет? Надо все же прогуляться до этой Амелии Росс из сто пятнадцатого кабинета.

– Эрна! Тогда ты мне капец как нужна! – заявила Нира. Ее глаза при этом блеснули так, что мне стало не по себе.

– У меня просто с магией откровенно не очень, – затараторила она. – Впрочем, как и у многих искусствоведов. В нашей программе почти нет предметов, подразумевающих

развитие магического навыка. А тут... Ух!

Девушка вскочила на ноги и заметалась по комнате, явно пытаясь что-то отыскать. Осмотрела выдвижной ящик шкафа – я краем глаза отметила, какой там царит хаос, – следом двинулась к гардеробу. Издав победный клич, девушка подняла зажатый в кулаке... ключ.

– Пойдем! – скомандовала она, первой двинувшись к выходу.

Уверенным движением ноги отодвинула Басика от двери, пригрозив пустить на колбасу, если выбежит, и бросила еще один выжидательный взгляд на меня.

Я направилась следом, толком не понимая, что от меня вообще требуется.

* * *

– Это моя мастерская! – с гордостью произнесла Нира, обводя захламленное помещение восторженным взглядом. – Выбила за хорошую успеваемость и победы в конкурсах.

Чего тут только не было! Холсты – большие, маленькие, средние! Узкие и широкие! Квадратные и круглые! Лю-бы-е! Они были разбросаны вообще везде. Заляпанные краской столы, хаотично расставленные мольберты, валяющиеся везде флакончики от красок, грязные и чистые кисти, какие-то лопатки... Кажется, теперь я знаю, что такое творческий беспорядок. А стены! Разглядеть за этой выставкой

обои не представлялось возможным – даже самые крохотные свободные места были заняты небольшими набросками. Вполне недурственными, кстати!

У Ниры явно был талант к рисованию.

– Декан долго противилась, но после победы в межкоролевском конкурсе художников сдалась, – довольно отметила та.

С каждым словом мне становилось все интереснее, что за помощь ей потребуется?

– Смотри! – воскликнула она, стягивая тонкую светлую ткань с одного из мольбертов.

Передо мной оказалась картина. Балерина, вставшая на пуанты и изящно поднявшая руки над головой. На пенно-белой пачке была выделена каждая складочка, тщательно прорисованные волосы, собранные в пучок, натурально блестящие, а глубокая задумчивость на лице у героини картины – иначе ее и назвать было сложно – меня саму настраивала на размышления.

Я восхищенно выдохнула, но Нира и внимания на это не обратила. Она уже принялась рассказывать о своей идее.

– Смотри дальше! – скомандовала она, беря в руки холст с балериной и показывая новую картину. Почти точную копию предыдущей. Разница заключалась лишь в позе, на следующем холсте танцовщица будто чуть сдвинулась. – Я хочу соединить все картины таким образом, чтобы они слились в одну и сменялись с задержкой в секунду. Тогда будет казаться-

ся, что она танцует на холсте!

Всего оказалось шесть картин – на которых танцовщица проходила полный оборот. И каждая из них была прорисована до мельчайших деталей. Это же сколько работы при отсутствии уверенности, что удастся воплотить задумку в жизнь!

– Дай мне карандаш и бумагу, – задумчиво протянула я, пытаюсь поймать мысль за хвост.

Никогда не встречала подобной магической формулы!.. Но как говорит мой папа: «Все возможно, пока не доказано обратное». А значит, надо пробовать.

Нира выдала необходимое, и я уселась на единственный свободный табурет. Погрызла карандаш, гипнотизируя чистый лист с небольшой кляксой краски в углу – я всегда так делала, когда бралась за какую-то интересную для себя задачку.

Итак.

Прежде стоит отместить самое бесполезное. Боевые чары второго порядка точно мимо – они рассчитаны на нападение. Первого? Вряд ли. Защита тут может пригодиться только после завершения работы. Поэкспериментировать с бытовыми чарами? Можно – вот только этого будет мало. Думай, Эрна, думай.

А что, если превратить один из холстов в артефакт и заключить в него прообразы остальных? Хм. Нет. Ведь в таком случае мы всегда будем видеть то, что нарисовано на первой картине.

– Дай мне пустой холст такого же размера, – потребовала я, скользя карандашом по бумаге и выписывая стройный ряд магических рун.

Задумалась лишь на секунду, когда пыталась подсчитать пропорцию приложения артефакторной магии к бытовой. И в тот же момент сообразила, что лишить физической оболочки можно не весь холст, а только краску – еще и экономия, а то так исходников не напасешься.

Так. Готово.

Хорошенько размяла пальцы, еще раз пройдясь взглядом по законченной формуле. Должно сработать.

Пасс рукой, и с первого холста пропадает картинка, он остается идеально-белым. Второй – и то же самое происходит с другим полотном. Повторив манипуляцию еще четыре раза, я сцепляю все это нехитрыми бытовыми чарами с задержкой по времени – такие использует каждая хозяйка, когда ставит на огонь блюдо, требующее определенного времени для приготовления. Следом углубляю холст, наделяя его артефакторской магией. Финальным штрихом становятся защитные чары – чтобы картина не пострадала от внешних воздействий.

Стоит мне только сделать финальный взмах рукой, как балерина приходит в движение.

Мы с Нирой даже не пытаемся сдержать синхронный восхищенный вздох.

Красота-а-а-а!

– Никому не показывай эту картину, пока не запатентуешь идею, – строго произнесла я. – Серьезно. Никому.

– Почему? – удивленно выдохнула Нира. – Это мой творческий проект на текущий семестр.

– Нира, ты шутишь?! Не понимаешь, какие возможности перед тобой открываются? – Я фыркнула. – Представь, сколько денег будет стоить эта картина! А если там не шесть картин, а сотня? Это же целая история может выйти, причем всего на одном холсте. А если тысяча? Да даже за один просмотр такой картины можно брать деньги! Разбогатеешь, начнешь набирать в штат художников, которые будут реализовывать каждую твою идею и приносить огромную прибыль. Если усовершенствовать формулу, в один холст можно объединять сразу с десятков историй, показ которых можно будет настраивать.

– О-о-о, – озадаченно протянула соседка по комнате. – Тогда ты в доле. Если бы не ты, я бы никогда в жизни не смогла вывести такую магическую формулу. А если бы и смогла, точно не получилось бы ее грамотно реализовать. Ты настоящий гений!

Это я гений? О нет, дорогая Нира, если кто-то в этой комнате и гениален, то точно не я. Мне бы и в голову не пришло оживлять картины! И я почти уверена, приди Нира к кому-нибудь из магов, они бы тоже с легкостью разобрались в формуле – так что мне просто посчастливилось очутиться в нужном месте в нужное время.

Последнее я и озвучила.

– Ерунда, – отмахнулась она. – Твоя заслуга тут тоже есть, потому не спорь. Деньги лишними точно не будут.

А вот с последним я поспорить никак не могла... После заключения отца под стражу мне не просто урезали бюджет, его вообще фактически аннулировали. Мама выделила деньги лишь на самое необходимое: тетради, карандаши и прочую канцелярию. На остальные мои запросы лишь поджала губы и напомнила, что мы в глубокой яме.

Недолго подумав, я все же согласилась.

Спрятав картину обратно под тряпку, мы засобирались на ужин. Оказалось, что в мастерской Ниры мы провели целых четыре часа.

– Эрналия, а откуда ты вообще знаешь столько формул из разных сфер магии? Обычно же углубленно изучается лишь одна. Даже моих знаний достаточно для того, чтобы понять, тут их напихано великое множество... – задумчиво пробормотала Нира по пути.

– Просто у меня память хорошая, – пожала я плечами. – Один раз хоть что-то увижу, вряд ли из головы вылетит.

– Ох! Как же это здорово! – внезапно воскликнула Нира. – Мы с тобой теперь деловые партнеры. На выходных пойду патентовать идею, и ты со мной.

Девушка закружилась на месте, при этом жмурясь от радости и...

– БАМС!

Следом раздался еще более угрожающий звук:

– ХРЯКС!

И вот после этого самого «хрякса» наступил полный «хрякс».

Я успела лишь предотвратить совсем уж печальные последствия. Поддавшись рефлексам, направила магию сперва на Ниру, а потом и на того, с кем она столкнулась. Их разнесло в разные стороны на несколько метров друг от друга. Ровно в тот же момент стены коридора дрогнули от оглушительного:

– БА-БАМС!

В воздухе тут же завоняло чем-то ну очень мерзким и горелым.

– Ты жива? – первым делом подскочила я к Нире, молясь всем богам, чтобы где-нибудь неподалеку слонялись целители.

Второму участнику нашего представления повезло больше: он отлетел куда дальше от эпицентра взрыва.

– Со мной все в порядке, – испуганно выдохнула соседка по комнате, обводя взглядом коридор.

Стены разве что не обуглились, в эпицентре красовалось черное пятно – классическое последствие взрыва от смешивания зелий. Вон, даже мелкие осколки склянок на полу валяются. А вот если бы я не успела среагировать, то валялись бы не только склянки...

Да все преподаватели из прошлой академии меня бы по-

хвалили! А тут на какой-то факультет искусств запихнули.

– Что. Тут. Произошло?!

От громогласного вопля за спиной я вздрогнула. Инстинктивно развернулась и столкнулась взглядом с разгневанным ректором.

Он совсем не походил на того спокойного мужчину, который встретил меня на пороге академии. Нет, теперь его внешний вид и правда вызывал опасения. Буквально разрезающий взгляд, раздраженно сомкнутые губы, желваки... Бр-р-р.

– Эти студентки... – раздалось с той стороны, куда я откинула второго участника непроизвольного взрыва. – Хотели меня убить!

– Декан Росс! – испуганно пискнула Нира.

Вот и с деканом познакомились. Прекрасное начало, что тут скажешь. Женщина лет этак тридцати поднялась на ноги, являя себя во всей красе. Цветастая юбка с подпалинами, измазанное в копоты лицо, рваная рубашка с длинными широкими рукавами. Пострадали и волосы – теперь они переливались всеми цветами радуги. Или так и было задумано?

– Ректор! Сейчас же примите меры. Этих двоих надо исключить! Нападение на преподавателя.

Нира будто сжалась от испуга, даже дар речи потеряла. Я же... сохраняла спокойствие. А что мне еще оставалось? К тому же слишком очевидно было то, что ни я, ни соседка по комнате ни в чем не виноваты.

– Студентка Браунс, вы мне в первый же день хотите академию по кусочкам разнести? – рявкнул ректор.

– А я-то тут при чем?! – возмутилась я.

– Я уловил остаток ваших чар! – процедил ректор. – Объяснитесь, сейчас же.

– Наверное, это я виновата... – едва слышно выдавила Нира.

Я же шумно выдохнула и дернула ее за рукав, чтобы не вмешивалась.

– Ни в чем ты не виновата. Ректор, мы просто шли по коридору и разговаривали. Заболтались, столкнулись с деканом Росс. Взрыв произошел из-за смешивания зелий, которые нельзя даже хранить в одном месте, не то что транспортировать!

– А ваша магия? – сухо поинтересовался Дарен Неррс.

– Вранье! – одновременно с ним выдала Амелия Росс.

А вот она могла бы и поблагодарить. Если бы я не вмешалась, ее бы лишили преподавательской практики, причем, что вполне вероятно, посмертно.

– Остаточный фон моей магии остался по той причине, что следовало отдалить объекты от места взрыва, чтобы избежать нежелательных летальных последствий, – доложила я.

Ай какая я умничка. Ай какая молодец. Еще и козырнула тем, что знаю, как докладывать. Четко, по существу, без лишних деталей.

– Будет проведено дополнительное внутриакадемическое расследование, – все так же строго произнес ректор. – Для установления всех сопутствующих фактов. В первый же день вашего нахождения в здании университета происходит то, чего еще ни разу не случалось, Эрналия Браунс. Ни разу!

И тут, каюсь, я разозлилась. Натурально так разозлилась.

– То есть вы хотите сказать, что по вине преподавателя только что чуть не пострадали две студентки, но вместо извинений вы их в чем-то обвиняете?!

– Я сказал все, что хотел. А за пререкания с ректором двадцать штрафных баллов. На моей памяти это первый раз, когда студент уходит в минус, Браунс. Вы прямо-таки ломаете систему.

Ох, чего мне стоило промолчать! Честное слово, я мысленно прямо-таки вцепилась в свой язык, чтобы не брякнуть лишнего. Только сверлила и без того раздраженного ректора взглядом.

– И еще по двадцать от меня с каждой за то, что чуть не убили! – взвизгнула Росс.

Что?! Она что, действительно не понимает?!

– Очень надеюсь, что установка дополнительных фактов поможет вам разобраться в истории. После этого я рассчитываю получить извинения. – Я все же не удержалась. И после, повернувшись к декану, с явным намеком произнесла: – Благодарности принимаю в письменном виде.

И прежде чем схлопочу за совсем уж неприкрытое хам-

ство, поспешно направилась в противоположный конец коридора. Лицо и уши горели. Возмущение буквально кипело внутри, требуя выхода. Мы. Не сделали. Ничего. Плохого. Но при этом с нас сняли по сорок баллов с каждой! Это... это несправедливо!

– Мне сильно влетит, да? – тихо поинтересовалась я у молчаливо шагающей рядом Нира.

– Если сразу не влетело, потом точно не влетит, – слышном уж спокойно ответила она.

– Идиотизм, – раздраженно выплюнула я.

И отчего Нира такая спокойная?!

– Слушай, про благодарности в письменном виде ты серьезно сказала? – озадаченно поинтересовалась она. – Я просто смутно понимаю, как ее составлять.

Я даже с шага сбилась, когда до меня дошла суть вопроса. А потом расхохоталась.

– От тебя могу и устно принять, – сквозь смех выдавила я.

Девушка ответила широкой улыбкой:

– Спасибо тебе. Seriously. Если бы не ты...

– Пожалуйста. А вообще, нас учили реагировать на подобные ситуации... В АВМе я училась на факультете боевой магии.

– наших боевиков тоже учат, – кивнула Нира, явно не сильно удивленная тем, что я училась в АВМе. – Но далеко не каждый сумел бы быстро среагировать. У тебя определенно талант к магии.

Оставалось только неловко пожать плечами – раньше я свои навыки как талант вообще не рассматривала. Как упорную работу и везение с запоминанием всяких формул – да. А талант? Ну не знаю. Мне всегда казалось, что в магии не может быть таланта.

– Что-то мне не очень хочется в таком виде идти в столовую, – переключилась девушка на другую тему. – У меня остались всякие печенья и сладости, привезенные из дома. Как ты смотришь на вредный ужин в комнате?

– Положительно.

Сахар – именно то, что нужно после такого дня. А под дурацкой формой, которую мне предстоит носить с завтрашнего утра, все равно не будет видно лишних кило.

Глава 3

Утро началось вовсе не с будильника, нет. Даже не со звонка матери по артефакту связи – она часто меня будила в первый день учебной недели, когда я была первокурсницей. Утро началось с ужасного... Нет, не так. С омерзительного звука.

Это было хуже, чем скрежет когтей по стеклу. Хуже, чем неумелая игра на скрипке. И даже хуже, чем соприкосновения глубоких зазубрин лезвия с точильным камнем... Я бы сказала, *этот* звук был квинтэссенцией всего самого мерзкого на земле.

С кровати я сорвалась в тот же миг, стоило мне его услышать. Заозиралась в попытке найти источник. В центре комнаты лежал Басик и с удовольствием что-то грыз. И звук исходил от него.

– Прости-прости-прости, – раздалось со стороны кровати Ниры. – Он сам достал.

– Что он достал? – хриплым и перепуганным со сна голосом поинтересовалась я.

Так, Муи я затолкала на шкаф, подальше от крепких когтей «котика», обувь убрала, даже всякую канцелярию в стол запихала.

– Нотрар... – Нира положила подушку себе на голову и простонала в нее. Следом уже приглушенно добавила: – И

сейчас его не забереешь.

– Нотрар? – переспросила я. Раньше не сталкивалась с этим названием.

– Помнишь, я говорила, что у него зубы постоянно растут и их надо стачивать? Нотрар – камень, возникающий в желудке виверн. Он идеально подходит для обработки костных материалов.

– И что, реально не забереешь? – поинтересовалась я, со вздохом отметив, что до официального пробуждения осталось еще полчаса.

Басик, казалось, даже внимания не обратил на то, что своим скрежетом всех перебудил. А у меня тем временем в голове сложилась мозаика – вот, значит, почему Нира живет в комнате одна. С таким соседом долго не протянешь. И с этим определенно надо что-то делать.

– На него не действует магия, – виновато произнесла Нира. – Вообще. И уговоры на него не действуют. И угрозы.

В голосе девушки засквозила паника.

Я с сомнением покосилась на Басика. Тот, будто в насмешку, вытянул заднюю лапу, всем своим видом выражая полный пофигизм. Разве что прямо тут вылизываться не начал. Так и то, потому что рот был занят.

– А завтрак со сколько? – уныло поинтересовалась я. Связываться с жертвой зельеварческих экспериментов не хотелось. По крайней мере, пока кот ко мне не привыкнет.

– Через полчаса начнется.

На том и порешили. Спать под этот скрежет все равно было невозможно.

Вчера вечером, узнав, что туалет и ванная комнаты на этаже, я была несколько... обескуражена. Но в то же время устала настолько, что почти с легкостью приняла этот факт. Сегодня же, хорошенько выспавшись, оценила все прелести туалета и ванной на этаже в полном масштабе.

– Это еще фигня, – протянула Нира. – Раз в месяц нам тут убираться придется.

– Чего?! – опешила я. – Тут что, уборщиц нет?!

– Есть. Но дежурство – что-то вроде трудовой повинности, – равнодушно произнесла Нира, пока чистила зубы.

– То есть нанять уборщицу, скинувшись всем этажом, мы не можем?

Даже сам вопрос меня несколько уязвил, но я все же его задала. Скинуться. Всем этажом. Еще недавно выделяемой мне на булавки суммы хватало, чтобы оплатить уборку каждого этажа, включая комнаты. Многократно!

– Никто не пробовал, – пожала плечами Нира. Прополоскала рот и тщательно промыла за собой раковину. Пояснила: – Чем чище после тебя, тем трепетнее относятся к твоему графику уборки.

Ну уж нет. Убираться я не буду. Ни за что!

Мало того что эту идиотскую форму носить и ходить в общественный туалет, так еще и убираться в нем?! После всех?! Да что скажет бабушка, когда узнает, что ее внучка

моет туалеты?

А ничего не скажет. Не узнает.

А вот матери я выскажу все, что думаю о канторовской академии.

Путь до столовой прошел мрачно. Я думала.

Скинуться на уборщицу всем этажом не такая уж и плохая идея. Может, вывесить объявление какое, чтобы отметились те, кому не улыбается мыть общественные туалеты.

На улице стояла все та же мерзкая погода, потому передвигались мы перебежками. Поленились брать с собой верхнюю одежду, да и Нира сообщила, что много кто так поступает.

Стоило мне зайти в здание столовой, настроение еще упало. М-да. Нет, я, конечно, и не ждала, что сейчас увижу «Звездное небо» – один из лучших ресторанов Кантора, – но и на такое... не рассчитывала.

Вразнобой расставленные хлипкие столики, казалось, могли рухнуть от лишнего вздоха, заляпанные поверхности вызвали рвотный рефлекс. К зоне выдачи подходить я уже боялась, но, мужественно сцепив зубы, все же сделала это. Лучше бы не делала.

В меню сегодня были жижа коричневая, жижа зеленоватая и нечто, отдаленно напоминающее кашу. Отдаленно, потому что слиплась она как клейстер.

– Вам кашу с фасолью или с курой? – грубым голосом поинтересовалась женщина в замызганном фартуке.

– Без всего, – с милой улыбкой отозвалась Нира.

– И мне, – вяло повторила я.

В такой ранний час в столовой никого не было. Пара-тройка человек сидели по углам, и все. На нас фактически не обращали никакого внимания. Получив по подносу, от внешнего вида которых пропадал всякий аппетит, мы направились к столу.

– М-да-а-а, – философски протянула я.

– Привыкнешь, – хмыкнула Нира, сразу сообразив, о чем речь. – Я тоже сперва нос воротила, а потом нормально.

Как можно к такому привыкнуть?

Я минут пять уговаривала себя хотя бы за вилку взяться. А когда наконец решились, меня отвлекли:

– Привет! Это ты вчера взрыву в западном крыле поспособствовала?

К нам за стол плюхнулся высокий крепкий парень и заинтересованно на меня уставился. Он пятерней взъерошил непослушные темно-русые волосы и поправил очки на переносице. Симпатичный. Я бы даже сказала, по-своему красив. Было в чертах его лица что-то отдаленно знакомое, будто я когда-то его уже видела. Вот только когда? И где.

И только потом до меня дошло, о чем он спрашивает.

М-да, аппетит испорчен окончательно.

– И тебе доброе утро, Честер, – ехидно протянула Нира. И потом уже мне: – Познакомься, звезда академии. Красив как бог, умен, как Р. К. Неррс, и силен как лев!

Честер, кажется, смутился. Пока Нира не припечатал финальным:

– По крайней мере, так периодически пишут на стенах женского туалета. Еще там пишут...

– Язва, – совершенно беззлобно заметил Честер.

Ну вот, на самом интересном месте.

– Так ты связана со взрывом?

– Нет, не связана. – И даже не соврала. К взрыву я и правда не имела никакого отношения.

– Взрыв спровоцировала декан Росс, Эрнэ просто минимизировала последствия, – вместо меня ответила Нира, за что была удостоена осуждающего взгляда.

– Это как? – с интересом уточнил Честер.

Ну, соседка по комнате и выложила ему все как на духу, пока я мрачно гипнотизировала тарелку. Пожалуй, есть все же хотелось. Я взяла вилку и начала расковыривать клейстер. Лучше бы я этого не делала.

– Ты училась в АВМе? Так?

Видимо, слухи везде расползаются со скоростью света – будь то светский прием или канторовская академия, все любят обсудить горячие новости.

– Училась. – Скрывать было бессмысленно. Наверняка Честер и про отца знает.

– Будет очень интересно посмотреть на тебя в деле, – произнес парень.

– Вообще-то она учится на факультете искусств, – с ка-

кой-то невероятной гордостью произнесла Нира.

Финальная фраза окончательно меня расстроила. Как вообще можно гордиться тем, что учишься на факультете искусств? Нире, как мне кажется, вообще это все не нужно – она и без того юный гений художественного ремесла.

– Искусств? – Честер опешил.

Конечно! Давите меня! Унижайте.

– Да, искусств. На большее я не гожусь, – саркастично ответила я. – Честер, без обид, но я сейчас не настроена общаться.

– Понял, не дурак. – Парень хрипло рассмеялся. – Попытаю в удобный для тебя момент, только дай знать.

Честер и правда довольно быстро ретировался, уйдя к зоне выдачи.

– Он тебе нравится? – поинтересовалась я. Неспроста Нира так легко и непринужденно с ним общается. Может, у них что-то есть? Это следовало выяснить сразу.

– Чес?! – Сложно сыграть такое удивление, какое продемонстрировала соседка по комнате. – О боги, нет! Просто мы с ним проходили пару отработок вместе. Он... не мерзкий.

Исчерпывающе, пожалуй.

Я почувствовала на себе взгляд. В нем было столько горячей невысказанной ненависти, что пустой желудок скрутило от предчувствия. Я спешно осмотрела медленно заполнявшуюся студентами столовую.

– Кто это? – спросила у задумавшейся Ниры.

Кивнула на девушку в темно-синем костюме, буквально вперившуюся в меня взглядом. Светлые волосы собраны в высокий хвост, сама по себе сублильная, хотя видно, что мышечная масса есть. Рост средний. Вокруг нее довольно шумная компания – вроде как даже тех же ребят, которые вчера отказались подсказать, где находится кабинет ректора. Все настолько увлечены беседой, что даже не обратили внимания на свою остановившуюся подругу.

– Это? – Нира рассеянно обернулась. – Лина Шварц, второкурсница. Она как Честер, только в женском обличье и мерзкая.

Пожалуй, одна из лучших черт Ниры – давать людям исчерпывающую характеристику. Вроде всего пара слов, а уже понятно, чего ждать от человека.

– И, кажется, ты ей очень не нравишься, – задумчиво добавила Нира.

Вау, какая наблюдательность.

– Мне тоже так кажется. – Я тяжело вздохнула, все же окончательно отодвинув от себя поднос. – Я тут всего второй день, а врагов наживаю с завидной регулярностью. Кстати, о них. Мне все же надо заглянуть к этой Росс.

– За благодарностями? – хмыкнула соседка по комнате. – Письменными.

– Чувствую, их я не дождусь. Ты пойдешь?

– Мне надо поймать мастера Скихс. Он у нас на второй паре будет, и лучшего момента, чем в столовой, придумать

сложно.

А потому храм чревоугодия я покидала в одиночестве. Это и сыграло со мной злую шутку. Слишком поздно ощутила опасность – успела лишь сгруппироваться, когда кто-то с силой толкнул меня в спину. Не удержавшись на ногах, я рухнула в вязкую жижу под ногами.

И первой моей мыслью стало совершенно алогичное: «О, теперь у меня будет уважительная причина стянуть эту идиотскую форму».

– Дрянь! – выплюнули мне в спину, пока я еще не успела развернуться.

А когда все же подняла голову, столкнулась с ненавидящим взглядом Лины. Выплеск эмоций не заставил себя долго ждать, вот это я понимаю – теплый прием.

– У тебя какие-то проблемы? – поинтересовалась спокойно, поднимаясь на ноги.

Никак не ожидала, что в меня тут же полетят чары. Ответила рефлексивно, выставила блок – но не успела закрепить финальным пассом, а потому вновь оказалась в грязи. А эта Лина сильна, ничего не скажешь. В реальной схватке у нее было бы мало шансов, а так...

– У *меня* проблемы?! – злобно прошипела она. – Это у тебя проблемы!

Логично, ведь из нас двоих именно я лежу в грязи. А вокруг уже начала собираться толпа любопытствующих и, конечно же, не вмешивающихся студентов. Наоборот, некото-

рые начали подбадривать нападавшую.

Это-то и разозлило.

Во-первых, я никогда не была объектом травли. Эта роль для меня была в новинку, а потому я пока даже не осознала, как к этому относиться. Во-вторых, меня всегда учили, что ни в каких межличностных разборках нельзя использовать силу. Иначе все может закончиться потерями.

Но, повторяюсь, меня разозлило то, что происходило вокруг. Эта непонятно откуда взявшаяся – будто поджидавшая женской драки – толпа студентов, с презрением взирающая на меня сверху вниз Шварц. Да и вообще, вся ситуация: заключение отца под стражу, мой перевод в канторовскую академию, финансовые проблемы семьи... Будто груз, который до этого я старалась удерживать высоко над головой, пролился ушатом помоев.

Я разозлилась. А когда человек злится, любые доводы разума испуганно отходят в сторону.

Поднялась играючи, заранее выставив блок от магического удара.

– Спрошу еще раз, – сухо и холодно произнесла, – какие у тебя ко мне претензии?

– Ах, ты не понимаешь?! – притворно удивилась Шварц, явно выставяясь на публику. – Тут, знаешь ли, у многих к тебе претензии.

– Да пропустите меня, имбецилы тупорылые! Я сейчас ректора позову! – среди прочего гвалта уловила я голос Ни-

ры. Значит, и она пришла на драку. Интересно, и правда позовет?

Поворачиваться не стала. Вряд ли соседку по комнате обидят, она тут своя. А вот нарастающее мерцание вокруг пальцев Шварц требовало пристального внимания. Она что, серьезно хочет применить боевые чары третьего порядка?

– Ох, не озвучишь ли ты эти претензии? А то не помню, чтобы мы пересекались.

– Твой отец, Браунс, – выплюнула она. – Из-за него моя семья оказалась без копейки в кармане! Да это просто подарок судьбы, что я прямо сейчас могу указать тебе твое место.

С ее пальцев сорвалась ледяная волна, но я уже была готова. Отбивать подобные чары нас еще на первом курсе учили, все пассы я знала назубок.

– И где же мое место? – делано равнодушно поинтересовалась я, готовя новые защитные чары. – Просто интересно.

А сама буквально наслаждалась тем удивлением, что отразилось в глазах девушки. Она, по всей видимости, ожидала, что раз я так легко подставилась под ее удар, то и магический отразить не смогу.

– Открой глаза, Браунс. В грязи, – она выразительно кивнула на измазанную форму.

– То есть среди вас? – усмехнулась я. Все внутри меня дрожало, готовясь отразить новый удар.

И он последовал. Да уж, Шварц, по тактике ведения боя тебе двойка. Слишком много эмоций, слишком легко спро-

воцировать. Да и я сама хороша – зачем вообще нарывалась, спрашивается?!

Шварц ловко сплетала все новые и новые чары, без конца направляя их в меня. На болтологию больше не отвлекалась. Я же выставляла защиту. До тех пор пока не надоело. Почему я вообще поддаюсь какой-то зарвавшейся девчонке? Виновата я, видите ли, перед ней за дела своего отца. Дела, которые еще не доказаны, между прочим!

Ловко замаскировав еще один пасс, я уже подготовилась направить чары в Шварц – они почти слетели с моих пальцев, – как вдруг!

– Остановитесь! – Между нами буквально из ниоткуда возник Честер. Запыхавшийся, словно бежал, но горящий праведным гневом.

Я в последний момент успела перенаправить чары в землю, оставив подле себя небольшой кратер. Грязь опала и на меня, и на Честера, и на Шварц, и – что приятно – на стоявших поблизости студентов.

Гул сменился звенящей тишиной.

– Ты что устроила? – Честер повернулся к Шварц. – Ты что, правда считаешь, что Браунс в ответе за дела своего отца?! Не думал, что ты настолько глупа.

А я почему-то сразу так и решила. Стоило ей только коснуться меня взглядом, так мгновенно и поняла.

– А ты? – сурово спросил он, обращаясь уже ко мне. – Если бы твои чары попали в цель...

То Шварц отделалась бы парой синяков, эка невидаль. На факультете боевой магии в АВМе даже пословица ходила: «Прошло занятие без синяков? Значит, хреново занимался».

– Позвольте поинтересоваться, что тут происходит? – Над толпой разлетелся требовательный мужской голос. – Браунс? И тут вы. Почему я не удивлен?

Я-то откуда знаю, почему вы, господин ректор, не удивлены. Я вот очень удивлена! Честное слово.

– Браунс со Шварц из-за Честера подрались! – Кто-то из толпы мерзенько хихикнул.

Мне оставалось лишь молча скрипнуть зубами.

Я вышла из защитной стойки и повернулась к ректору. Что, опять обвинять будет?

Он же оценивающим взглядом прошелся по оставленному мной кратеру, осмотрел Шварц на предмет повреждений – а между прочим, это она нападала, а не я! – и вернулся ко мне.

– Все трое ко мне в кабинет, – процедил он.

А мы что? Мы ничего. Слово ректора – закон. Даже если это ректор какого-то идиотского ВАКа, где студенты сами моют туалеты и питаются хуже скота в неблагополучных деревнях.

На ковре – в переносном смысле, ведь никакого ковра в этой комнате не наблюдалось, – мы стояли уже через десять минут. В тот момент я во второй раз порадовалась, что измазалась в грязи. Буквально наслаждалась, ощущая, как она плюхается на идеально чистый пол.

– Очень внимательно слушаю вашу версию событий, студент Лекс.

Лекс? Не слышала такую фамилию среди аристократов. А ведь парень явно ведет себя так, будто является потомком знатной семьи. Неужели это просто из-за самоуверенности?

– Не могу сказать, из-за чего началась драка. Могу только предположить, – сдержанно ответил Честер, глядя на ректора.

– Мне не нужны предположения, мне нужны факты, – сухо отрезал Дарен Неррс.

– В столовую вбежал один из студентов и сообщил, что на улице женская драка.

– Кто именно? Вбежал и сообщил.

– Не могу знать.

Честер явно соврал. Вот прям ушами чую, соврал.

– А цвет формы?

– Не могу знать.

И снова ложь. Я бы тоже соврала. Закладывать своих? Это низко.

– Дальше.

– Когда я добрался до... кхм... места боя, они обе уже успокоились.

Успокоились? Интересная интерпретация.

– И мило беседовали о модных нарядах? – ректор позволил себе ехидство.

– Не могу знать, – уже традиционно ответил Честер. – Я не вслушивался.

– Студентка Шварц, ваша версия событий. – Ректор перевел взгляд на блондинку.

Та если и измазалась в грязи, то совсем немного.

– Браунс поскользнулась в грязи, упала и отчего-то посчитала, что я ее толкнула. Она тут же бросила в меня боевыми чарами, и мне пришлось защищаться. После чего я попросила ее остановиться. К этому моменту и подоспел студент Лекс.

Браво! Отчего-то именно такой версии событий я и ждала. Интересно, а врать в глаза ректору тут такая милая традиция? И ведь Неррс прекрасно понимает, что врут – но почему ничего не делает?

– Студентка Браунс, жду вашу историю.

– В тысяча пятом году состоялась битва при Грандолине, – совершенно спокойным тоном начала я. – Соотношение сил было неравным, но дретонцам удалось одержать верх в той битве. На стороне галуасских войск было численное превосходство, однако дретонцам было не занимать хитрости и военной смекалки. Они воспользовались непогодой, выставили сооруженные наспех чучела, чтобы создать иллюзию большого...

– Отлично, студентка Браунс. Плюс пять баллов за знание истории и минус десять за пререкания с ректором. – Ректор театрально захлопал в ладоши. – Однако меня интересует ис-

тория, которая произошла пятнадцать минут назад.

– Я могу предположить, что пятнадцать минут назад в столовой повесилась мышь, – все тем же показушно-равнодушным тоном отчеканила я.

– Мышь? – Неррс, мягко говоря, удивился.

– Оттого, что ей было нечего есть, господин ректор, – предельно вежливо пояснила я.

– Еще минус пятнадцать баллов, Браунс. В этот раз за неприкрытое хамство. Не напомните, сколько их уже у вас? Баллов.

– Минус двадцать баллов за угрозу жизни декана Росс, плюс пять баллов за знание истории, минус тридцать баллов суммарно за пререкание с ректором и минус пятнадцать за неприкрытое хамство, – рапортовала я. – Итого: минус шестьдесят баллов.

– Молодец, Браунс, хвалю. Начисляю пять баллов за прекрасное знание арифметики.

– Итого: минус пятьдесят пять баллов, – услужливо пересчитала я.

– А за сколько дней, не напомните?

– А вы поставите мне пять баллов за то, что я разбираюсь во времени?

– Браунс, вы откровенно нарываетесь.

– За полные сутки, – ответила я.

– Не находите это несколько... кхм... провальным? – иронично поинтересовался Неррс.

– Никак нет. Я горжусь своими баллами. За то время, что их зарабатывала, я умудрилась спасти жизни двух человек, раскрыть дело о преступной халатности декана факультета искусств и найти неопровержимые улики, подтверждающие укрывательство просчетов педагогического состава ректором. А также блестяще ответить на вопрос по истории и арифметике. И все это за одни полные сутки. Боюсь представить, что будет дальше.

Скорее всего, дальше ничего не будет. Все происходящее в ВАКе, начиная со вчерашнего дня, раздражило меня настолько, что я была готова вылететь из академии со свистом, лишь бы не иметь отношения к этому цирку. И не копошиться во всей той несправедливости, с которой мне довелось столкнуться всего за день.

Ничего. Перепоступлю потом в любое другое учебное заведение, пусть и на несколько рангов хуже, если отца не выпустят. Лишь бы не тут.

– Ничего не забыли перечислить? – поинтересовался ректор, в ожидании изогнув бровь и склонив голову набок.

Забыла? Это вряд ли. Умолчала. Но если вы так настаиваете, господин ректор... Хотели про драку, а получите про унитазы. А ведь я их еще даже не мыла!

– Ах да, конечно, еще я узнала об эксплуатации труда студентов на низменных работах.

– Характером вы явно пошли в бабушку.

– Не считаю этичным говорить гадости за спинами тех,

кого рядом нет, – огрызнулась я. Какой бы моя бабушка ни была, ругать ее не позволю.

– Ну что вы, студентка Браунс, это был комплимент. Но ваша реакция о многом говорит.

Я прикусила язык. Пожалуй, настало время промолчать. Все, что я хотела, уже сказала.

– Вам стоит пройти на пары. В этот раз я закрою на произошедшее глаза, посчитав все простым недоразумением. Но если впредь подобное повторится, судить буду по двойной строгости. Надеюсь, с этого момента вы посчитаете, что решили все возникшие разногласия.

Недоразумение? Он что, издевается? То есть за пререкания с ректором с меня списали тридцать баллов, а за участие в драке... Ничего? Даже выговора не будет?

– Конечно, – тщательно скрывая ехидство, протянула я, – я даже готова к примирительным объятиям.

И даже руки развела пошире, чтобы продемонстрировать желание помириться в полном объеме (а заодно и подсыхающую корку грязи на и без того отвратительной форме).

Шварц безглаголиво отшатнулась.

– Господин ректор, хотел бы отметить, что сомневаюсь, что Браунс стала инициатором драки, – внезапно добавил Честер, чем несказанно меня удивил.

– Это относится к разряду предположений?

– Так точно.

– Идите на пары, – произнес ректор.

Удивительно, что в меня тут же не прилетело исключением. Ну да ладно. Пойду смою с себя всю эту жижу, переоденусь в нормальную одежду и направлюсь на пару по фракскому языку.

– Студентка Браунс, – донеслось в спину, – напоминаю, что наличие формы обязательно в будние дни. А опоздание больше чем на пятнадцать минут приравнивается к прогулу.

Обязательно? Да пожалуйста.

Прогулу? Как можно, господин ректор.

* * *

«Обжигаяще холодная девчонка» – так подумал Дарен Неррс, когда за студентами закрылась дверь. Он бы даже за ней приударил, если бы девушка не являлась студенткой. Но нет так нет, ковыряться в ее умении держать лицо будет даже интереснее.

А вот с деканом Росс стоило разобраться. Судя по тому, что удалось выяснить ректору за вчерашний вечер, во взрыве и правда была виновата Амелия. Придется писать письмо ее родственнику, объяснять ситуацию... Как же достало. Вместо того чтобы тратить время на настоящие проблемы академии, приходится разводить никому не нужную бюрократию.

Вон, Браунс с ходу определила ключевые вопросы, которым следовало уделить внимание. Прямо гвоздем в самых болезненных ранах академии поковырялась.

Дерен прошел к своему креслу, сел в него и устало откинулся на спинку. Поспать ночью так и не удалось. Вечерняя аудиенция у короля, важная встреча с кузеном – и вот он, новый день.

Сделав легкий пасс рукой, Дерен приманил к себе дело Лины Шварц. Стоило разобраться с тем, что собой представляет эта студентка, понять, насколько он был несправедлив к Браунс и каким образом следует просить прощения у внучки графини Роунвесской.

Глава 4

– Ты как? – тихо прошептала Нира, когда я вошла в класс и уселась рядом с ней за первой партой. – Почему ты в...

Она взглядом показала, что имеет в виду мой внешний вид. Точнее, полное отсутствие внешнего вида.

Да уж, я произвела фурор. На меня смотрели все. Причем злобы не было, только непомерное удивление. Видимо, студентам-искусствооведам моей группы чужда слежка за женскими склоками и они не в курсе, что произошло.

– Ой, у нас новенькая? – А вот сухонькая старушка-преподаватель, казалось, даже и не заметила, что со мной что-то не так. Вот только говорила она на фракском. Давненько я не слышала такого чистого языка, совершенно без акцента, разве что от бабушки. – Постарайтесь, пожалуйста, не опаздывать на мои занятия. Я не люблю отвлекаться. Меня зовут миссис Фаулииз.

Ответила я тоже на фракском. Попросила прощения и пообещала, что приложу все усилия, чтобы такого больше не повторилось, назвала свое имя.

– Ой, какое прекрасное произношение! – радостно всплеснула руками преподаватель. – Я начисляю вам десять баллов, дорогуша! Где вы учили язык?

Десять за произношение? Внезапно эти баллы меня растрогали. До того у меня их лишь отнимали или ставили в на-

смешку: за хорошее знание истории и арифметики, – я даже не успела понять, что значит, когда баллы начисляют. Ощутить их и начать ценить. Да и миссис Фаулииз мне интуитивно нравилась, захотелось сохранить подаренные ею баллы – до меня только сейчас дошло, что ими старушка скорее пыталась меня приободрить. Ну не могла же она и правда не заметить, в каком состоянии я пришла!

– Занималась с бабушкой, – честно ответила я.

– Прекрасно! Прекраснейше! – пропела миссис Фаулииз, а потом вдруг подмигнула мне. – Я так рада. А то эти ребята сейчас ни слова не понимают... В прошлом семестре у них был молодой преподаватель, который сам ничего не знал.

Я украдкой осмотрелась. И правда, все сидели со слишком внимательными и сосредоточенными выражениями лиц для того, чтобы действительно понимать, о чем велась речь.

– Ладно, дорогие мои, – уже на родном языке произнесла преподаватель. – Давайте начнем с самого начала. Нам предстоит за полгода наверстать все, что вы не успели пройти.

По аудитории пролетел облегченный вздох. Одногоруппники явно обрадовались, что судьба подкинула им достойного преподавателя.

– Студентка Браунс, думаю, вам стоит припудрить носик, пока мы разучиваем местоимения с числительными. Если кто-то спросит, ссылайтесь на то, что я вас отпустила. – Она вновь подмигнула. – На двадцать минуточек. Но мы вас ждем.

– Спасибо, – тихо пробормотала я, вставая из-за парты. Внезапно в носу защипало.

И еще вдруг пришло осознание, что мама сегодня так и не позвонила, чтобы разбудить к первому дню занятий и пожелать хорошего дня. Может, в этом дело?

* * *

– Тупая курица, – сетовала Нира, когда я ей в подробностях рассказала о том, что произошло на улице и в кабинете ректора. – Нотрар ей в глотку!

Уже почти полностью оправившаяся, я захихикала. Перед глазами предстала картина, как Шварц сидит в центре нашей комнаты, вальяжно вытягивает ногу и жует точильный камень для зубов Басика.

– И эти... тоже хороши! Представляешь, там артефакторы целый тотализатор развернули, ставки принимали!

– И что, на кого ставили? – с любопытством поинтересовалась я.

– На Шварц, – выплюнула Нира. – Десять к одному.

– Мне даже интересно, кто этот герой (или герои), который решил поставить на меня, – я совсем развеселилась.

После занятий с миссис Фаулииз ну просто невозможно было оставаться в плохом настроении. А как она потешно учила сокурсников тянуть звук «ое» – закачаешься!

– Тебя обидели? – С передней парты развернулся темно-

волосый щуплый юноша и вперился в меня внимательным взглядом. – Ну, ты пришла в таком виде и вообще...

– Ого, Фирс, ты умеешь разговаривать? – беззлобно усмехнулась Нира.

– Представь себе! – тоже без всякого раздражения ответил парень. – Удивительное открытие для тех, кто полтора года вместе проучился.

– Меня не обидели, – улыбнулась я. Обиженной я себя и правда не чувствовала. Уязвленной, да. – Все хорошо.

– Ты смотри, – покачал головой парень, – ты теперь наша. Если вдруг потребуется помощь или защита, всегда можешь к нам обратиться. Мы многое умеем. И наш факультет на хорошем счету у ректора – потому, если потребуется замолвить словечко, сделаем. Он суровый, но во многом старается идти навстречу.

Я огляделась. В аудитории сидели человек пятнадцать, и все смотрели на меня. Стоило мне коснуться их взглядом, ребята уверенно закивали, поддерживая.

В носу защипало уже второй раз за день. Да я быю все рекорды! И по количеству минус-баллов, и по объему сентиментальности.

– Что ни говори, факультет искусств в ВАКе лучший, – тихо произнесла Нира. – Тут нет мерзких людей.

А до меня уже через секунду дошло, что я даже не представлялась как следует. Просто завалилась на пару вся измазанная в грязи, мрачно оглядела всех и села. Потому, под-

давшись порыву, я встала и громко с улыбкой произнесла:
– Меня зовут Эрналия Краун Браунс! Можно просто Эр-на. Всем привет.

Со всех сторон посыпались имена, которые мгновенно отпечатывались на подкорке. Все мило улыбались, и никто и не думал бросать претензии по поводу моего отца.

А потом пришел преподаватель по экспертному анализу современного искусства, и началась сложнейшая лекция в моей жизни. Сложнейшая, потому что большинство терминов, которыми оперировала молодая женщина с живой мимикой, было мне незнакомо. Пожалуй, самое время наведаюсь в библиотеку и хотя бы попробовать восполнить пробел в знаниях.

Когда пара закончилась, мы направились в столовую. Я лелеяла мечту о том, что с завтраком просто не повезло, а обед будет хотя бы вполовину сносный.

Мы с Нирой шли молча, и эта тишина была комфортной. Есть люди, с которыми тепло разговаривать, а есть те, с кем и молчание в радость. Бабушка всегда говорила, что, если встретила такого человека, надо его ценить. И за эти длинные сутки я начала ценить Ниру.

Еще в коридоре с нами поравнялся Честер.

– Мне не стоит спрашивать, как прошел твой первый день?

Боги, да чего он от меня хочет? Что-то ведь точно есть, иначе к чему такое внимание?

– Ты наблюдал за ним в первых рядах, – отрезала я.

– Я хотел сказать, – Честер обогнал меня в два шага и встал напротив, тем самым останавливая и нас с соседкой по комнате, – не обижайся на Шварц. Ей нелегко пришлось. У нее младший брат сильно болен, и когда они остались без денег, она восприняла это как личную обиду.

Мне, конечно, очень жаль Шварц, но своей вины я не чувствовала совершенно. И обиды тоже. Как только я переступила порог кабинета, мне вообще стала безразлична эта девушка. Была – и не было.

– Честер, иди куда шел, пожалуйста, – вместо меня огрызнулась Нира, обходя его по дуге. – А законники сейчас в другом корпусе, если тебе захочется проконсультироваться, как грамотнее выстроить линию защиты.

Догонять и объясняться Лекс, к счастью, не стал. Потому мы сравнительно быстро добрались до столовой. На косые взгляды и шепотки синхронно не обращали внимания.

И, конечно же, в столовой меня не ждало чудо – еда выглядела еще омерзительней, чем за завтраком. Но я была страшно голодна. В драке потеряла часть резерва, и его требовалось восстановить – а способа быстрее, чем еда, еще не придумали. Разве что зелья, но они мне нынче не по карману.

– Студентка Браунс вызывается в кабинет ректора, – раздался громкий безэмоциональный голос, когда я уже поднесла ложку ко рту.

– Нет, ну это точно издевательство! – Нира бросила вилку

на поднос и раздраженно уставилась на артефакты громкой речи. – Чтоб ты понимала, они за год раза два включались. Дважды, Эрна! И ни разу, чтобы вызвать студента на ковер. Признавайся, Неррс заложил свое состояние твоему отцу?

– Это бы многое объяснило. – Я отодвинула тарелку с супом.

– Тебя проводить? – Теперь в глазах соседки по комнате сквозило сочувствие.

– Не стоит, – мотнула головой. – Это испытание надо пройти в одиночку.

Дорога до кабинета прошла спокойно. Никто не толкал меня в спину и не накидывался с боевыми чарами. Внимание все еще обращали, но на это мне было чхать. Уже чхать. Все окружающие, кроме, пожалуй, ребят с факультета искусств, раздражали.

Как говорится, есть всего два типа людей. Первые относятся хорошо к любому человеку, пока тот не докажет, что не заслужил подобного. А вторые с опаской реагируют на каждого, пока тот не изменит их мнение. Я себя относилa к последним.

И пытаться быть для этого зверья лучше, чем есть на самом деле? Ну уж нет.

Едва я переступила порог кабинета ректора – уже второй раз за эти многострадальные сутки, – в легкие ворвался ароматный запах еды. Желудок тут же дал о себе знать, но, к счастью, я стояла слишком далеко от стола ректора.

Зато теперь я прочно укрепилась в мысли, что Дарен Неррс совершенно точно надо мной издевался.

– Позвольте поинтересоваться, к чему был этот артефакт громкой речи? Куда меньше магических сил вы бы потратили на простой вестник, – спокойно полюбопытствовала я.

– Хотелось тебе отомстить, Браунс, – легко ответил ректор. А затем вдруг махнул на кресло напротив. – Присаживайся. Кажется, тебя не устроила академическая столовая? Так угощайся.

Чего?! Нет, он совершенно точно издевается. И чем дальше, тем больше. Я еще раз бросила взгляд на разложенный перед ним стол. Тушенные с трюфелями овощи, запеченные перепела... Неплохо жрете, то есть живете, господин ректор.

– Другим студентам академии тоже предстоит побаловать себя деликатесами?

– Финансирование – вещь не резиновая. И, увы, если я буду кормить из своего кармана каждого студента по три раза в день, мой бюджет прикажет долго жить.

– Я не ваш финансист, господин ректор. И, думаю, ничем не заслужила ваших оправданий, – ровным тоном произнесла я.

– Может, хотя бы чаю? Нам предстоит нелегкий разговор. – Мужчина бросил на меня насмешливый оценивающий взгляд. Он совершенно точно знал, что я откажусь. Но хотел проверить. Для чего?

– Нелегкий для меня? Да неужели? Это так неожиданно!

А то я в канторовской академии как на курорте. За одни сутки успела осмотреть столько достопримечательностей!

— Нелегкий для меня, — мягко ответил Неррс.

Он провел рукой над столом, и вся еда, что лежала на нем, начала проваливаться. Как в трясину. Интересные чары, ни разу с такими не сталкивалась. Жаль, что не удалось перехватить формулу, чтобы потом их изучить.

Новый взмах рукой, и из стола выполз чайник с двумя фарфоровыми чашечками от известного бренда «Ушки». Думаю, мистер Неррс, лет эдак десять вы бы смогли кормить всю академию без особой дырки в бюджете.

Пока чай разливался сам по себе, ректор залез в верхний выдвижной ящик стола и протянул мне бумагу с гербом ВА-Ка — золотым гиппогрифом. А вот, видимо, и указ об отчислении.

С гордым видом взяла в руки бумагу и... обомлела.

«Благодарственное письмо!»

Высшая Академия Кантора в лице ректора Дарена Вестлея Неррс выражает студентке Эрналии Краун Браунс благодарность за бдительность и своевременно проявленную реакцию в спасении студентки Нирамии Эшли и действующего на тот момент декана факультета искусств Амелии Росс.

В качестве поощрения студентке начисляется пятьдесят баллов. Также будут аннулированы баллы, зачислен-

ные студентке Эили по ошибке руководства.

Д. В. Неррс».

И когда я подняла на ректора непонимающий, но в то же время торжествующий взгляд, мне уже протягивали вторую бумагу. В этот раз без герба академии, но с личной подписью Неррса – ее я уже различала.

«Приношу свои извинения. Был не прав в следующих пунктах:

– в том, что заподозрил и обвинил в причастности к взрыву;

– в том, что непреднамеренно поспособствовал сокрытию должностного проступка бывшего декана;

– в халатности, проявленной при разбирательстве обстоятельств драки со студенткой Шварц, а именно в обвинении вас как зачинницы беспорядков.

Мною были произведены следующие действия:

– изучен магический фон на месте преступления, а именно взрыва;

– аннулированы преподавательская и деканская лицензии Амелии Росс (временным исполняющим обязанности декана назначен Д. В. Неррс);

– изучено личное дело студентки Шварц и проведен личный серьезный разговор, поспособствовавший раскрытию

истинного положения вещей;

– проведена беседа с другими студентами.

Дарен Неррс».

Вот это я понимаю, подход! Прямо по пунктикам расписал. Я, правда, почувствовала насмешку, буквально сквозящую во втором письме. Мол, такой крутой ректор и отчитывается перед какой-то сопливой студенткой – но решила закрыть на это глаза. Только что Дарен Неррс вырос в моих глазах как ректор. И желание «откровенно хамить» и «препираться» растаяло, будто его и не было.

– Я надеюсь, вы понимаете, Браунс, что вторую записку из кабинета я вам вынести не дам?

– А вы умеете испортить момент триумфа, господин ректор. Но не переживайте, я ее *запомню* в мельчайших подробностях, – с улыбкой покачала я головой, возвращая на стол записку с письменными извинениями.

Ее тут же засосало магической трясинной, но в этот раз настолько медленно, что я успела перехватить формулу. Перехватить и запомнить. Видимо, Неррс почувствовал мое любопытство и не стал препятствовать получению знаний.

– Сколько у вас сейчас баллов, студентка Браунс? Только прошу, без перечислений. Ограничьтесь финальным «ито-го».

– Пять, – мгновенно ответила я.

– И откуда же взялись еще десять? – поинтересовался рек-

тор.

Кажется, не только у меня хорошая память и знание арифметики – потому что я была готова поклясться, личного дела, где отражаются все отнятые и начисленные баллы, у него на коленках не лежало – ректор смотрел мне прямо в глаза.

– У меня хорошее произношение на фракском языке, – невинно ответила я.

– Миссис Фаулиис еще мне в свое время преподавала, – усмехнулся Неррс. – Мне много стоило вновь заманить ее на должность. Впрочем, вам еще предстоит оценить преподавательский состав. Это то, чем гордится ВАК. И раз я теперь являюсь деканом вашего факультета, перейдем к организационным вопросам. Вы уже выбрали себе факультатив? Творческую деятельность?

Я вопросительно приподняла брови. Как я могла выбрать, если даже не знала, что это необходимо. И вообще, потомственный артефактор на должности декана факультета искусств – это, конечно, презабавно.

– В чем вы хороши, мисс Браунс?

Я опешила от данного вопроса. Что он имеет в виду? И почему взгляд такой хитрый? Я с трудом сохранила самообладание и дождалась следующего:

– Пианино? Танцы? Пение? Изобразительные искусства? Может быть, скульптура?

– Как я говорила ранее, искусства меня пока мало интересуют, – сдержанно ответила я, проигнорировав насмешку.

Он наверняка читал мое личное дело и прекрасно знал ответ.
– Примерно этого я и ожидал. – Делано важно кивнул ректор. – В таком случае у меня для вас будет творческое задание.

И что-то мне не понравилось в его последней фразе. Я прям каждой клеточкой кожи ощутила, что грядет какая-то подстава. И оказалась права.

– Вам предстоит возродить академическую газету и заново собрать редколлегию. Выход газеты должен быть еженедельным.

Всего-то? Ха. Раз плюнуть.

Сарказм сочился даже в мыслях, но я до конца сдерживалась. После поступка, который совершил Неррс, признав свою неправоту, не хотелось продолжать в том же тоне, в котором мы начали.

– Название можете выбрать на ваш вкус. Как и редколлегию. Вам будет выделена комната. Бывший кабинет Амелии Росс. Помните номер?

– Сто пятнадцать, – рефлексивно ответила я.

– И правда феноменальная память! – Неррс смаковал каждое слово.

Что ж, господин ректор. Вы мне отомстили по полной. И главное, как изящно!

– А если справитесь с поставленной задачей, – уже совершенно серьезным тоном добавил ректор, – мы сможем поднять вопрос о переводе на любой выбранный вами факуль-

тет в конце года.

А глаза у него красивые. Темно-синие, полные жизни.

Что же, господин ректор, поиграем по вашим правилам, раз уж на кону такой куш.

Глава 5

Вечером мне позвонила мама. И первым, что она сказала, стало:

– Мне удалось договориться о том, чтобы разблокировали один из наших счетов. Законник доказал, что там лежали исключительно мои сбережения. Тебе что-нибудь нужно?

Да, дорогая мама. Уборщица на этаж, вкуснейшие булочки из «Звездного неба» и вопрос «А как прошел твой первый день, доченька?»

– Нет, ничего не нужно, мам. Все хорошо, – сдержанно ответила я. – Как папа?

Мама ответила не сразу, будто сомневалась, стоит ли вообще говорить.

– Его переводят в Кантор.

– Значит, я могу его навестить! – радостно воскликнула я.

– Не думаю, что это хорошая идея. Тебе стоит освоиться и не привлекать внимания. Что, если его деятельность как-то свяжут с тобой? Мне бы этого очень не хотелось.

Я не сразу нашлась что ответить. Значит, в столице мне его посещать можно было, а в Канторе – нет? Что за глупости?! Все и без того знают, что я Браунс. А местные студенты и без посещений посчитали, что мы связаны. Ну уж нет, к отцу я обязательно нагрюну в выходные. Кто-кто, а он точно меня выслушает и даст пару дельных советов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.